

БИБЛЮГРАФІЯ

БОРИС ЗАЙЦЕВ. — Путешествіе Глѣба. «Петрополис», 1937.

«Путешествіе» — повѣсть о первом переходѣ на жизненном пути. Его подзаголов «Заря» хорошо выражает общее впечатлѣніе, создаваемое рядом стилистических приѣмов автора: сперва блаженное состояние дѣтскаго полусна в сумерках сознанія; затѣм первые проблески солнца. — все отчетливѣе выступают из разсѣивающейся утренней мглы очертанія отдѣльных предметов, разграничиваются зоны свѣта и тѣни. Глѣб еще не достиг **познанія** Добра и Зла, но уже переживает их; уже он за порогом Рая и смутно предчувствует, что возврата туда не будет. Искусство автора состоит в том, что он заставляет нас переживать это вмѣстѣ с Глѣбом, показывая нам мір так, как видит его сам Глѣб, ничего не уточняя, дѣйствуя намеками, словесными внушеніями, сливая в одном планѣ то, как на дѣлѣ, «реально», движется житейскій поток, в который вовлечен Глѣб, но то, как это движеніе воспринимается, переживается Глѣбом все интенснвнѣе, все с большей степенью ясности в процессѣ развитія **его**, Глѣба, сознанія. Так осуществляется художественное единство, создается общій тон, колорит художественнаго цѣлага.

Иногда, однако, кажется мнѣ, этот общій тон нѣсколько нарушается врывающимися в него посторонними нотками, пользованіем словесными приѣмами, которые воспринимаются сами по себѣ, именно как «приѣмы» того, что можно, пожалуй, назвать поэтизаціей прозаической рѣчи: «сумерки декабрьскія», «галлерейка стеклянная», «дом директорскій» и т. под. Извѣстно, что такая перестановка эпитета с его обычнаго мѣста сообщает рѣчи необычный дактилическій строй, повышающій ея эмоциональный тон. Но в повѣствовательной рѣчи вниманіе привлекается к **смысловой** прежде всего сторонѣ слова. — и поэтому в контекстах такого рода смысловое значеніе подобных «прозаических» эпитетов, звучащих в силу перестановки с особой внушительностью, выступает с большей, чѣм обыкновенно выпуклостью, в силу чего возникает эффект несоотвѣтствія между смыслом и тоном, эффект, по своей природѣ, комическій. Аналогичными являются случаи такого построенія цѣлыхъ предложеній (как, напр.: «Отец... рыжеватыми усамп ласково дѣтей цѣловал»; или: «Теперь лишь вѣтер полевой, да снѣг, да надвигающійся сумрак были с ним»). при котором «прозаическое» движеніе рѣчи соскальзывает в стиховое, метрическое. благодаря опять-таки нарушенію обычнаго в повѣствовательной

рѣчи порядка слов. Разумѣтся, между «прозой» и «поэзіей», в условном значеніи этих терминов, нѣтъ точной границы, и такое соскальзываніе «прозы» в «поэзію» — фактъ обычный, неизбѣжный и вполне законный тогда, когда высказываніе носит конкретный, цѣлостный **поэтический** в точном смыслѣ слова, характер, когда им передается не отвлеченная мысль, но переживанія (жизнь и **есть** движеніе, ритм). Но когда мы **замѣчаем**, как это движеніе рѣчи достигнуто, средство заслоняет в нашем сознаніи результат. Я останавливаюсь на этом потому, что чѣм ближе произведеніе художественнаго слова к тому, чѣм оно должно быть, к поэзіи, т. е. выраженію **одной** художественной идеи, тѣм досаднѣе, когда это его единство нарушается — и притом такими, чисто внѣшними, стилистическими приѣмами, которые никак не обусловлены его содержаніем, матеріалом повѣствованія, когда, слѣдовательно, внѣшняя форма не выражается внутренней, и **красота** подмѣняется **красивостью**.

П. Бицilli.

О. О. Грузенберг, Вчера. Париж. 1938.

.. «Петражицкій «с присущей ему стройной логичностью и тщательной методичностью в аргументаціи нарисовал картину гибели **обреченной**, как он выразился, Европы, описал точно пути, по которым пойдет эта гибель, и назначил примѣрные сроки. Миѣ трудно было ему возражать, так как сам думаю приблизительно то же, но с той лишь существенной разницей, что не считаю общечеловѣческой гибелью крушеніе міровоззрѣнія **моего** поколѣнія, равно, как глубоко вѣрю, что «золотой вѣкъ» — не позади, а впереди, всегда и во всем впереди».

... «Русская революція — національнѣйшая из національных, и суровость ея тоже национальная. Там, гдѣ долго льются слезы, неотвратимая расплата — **кровь**».

... «Ничего не кляню, ни от чего не отрекаюсь, ни о чем не жалѣю».

Этими настроеніями проникнута книга О. О. Грузенберга. Характерны ея начальныя строки:

«Первое слово, которое дошло до моего сознанія, было русское. Я полюбили этот удивительный язык: в ласкѣ шелковисто - иѣжный, завораживающій; в книгѣ — простой, просвѣчивающій до невозможности скрыть малѣйшую фальшь; в испытаніях борьбы — подмороженный, страстно - сдержанный».

Автор не повторяет тургеневской мысли о величій народа, создавшего такой язык, — но она сквозит в его книгѣ.

Столь же влюбленно - восторженны отзывы автора о среднем русском человѣкѣ, о русском народѣ. Даже в главѣ «Срам», отведенной воспоминаніям о дѣлѣ Бейлиса, О. О. Грузенберг пишет:

«Дана им, этим русским людям, большая душа, которая болѣет чужой болью, как своей, даны совѣсть, большая совѣсть, которой **есть** дѣло до всѣх дѣл міра, до всякой неправды».

Автор вѣрит в Россію, вѣрит в русский народ. Вѣрит и в человѣка вообще: